

Э. ХЕКСЕЛЬШНАЙДЕР

ПРОФЕССОР ХРИСТИАН-ФРИДРИХ ШМИД, УЧИТЕЛЬ РУССКИХ СТУДЕНТОВ В ЛЕЙПЦИГЕ

Теперь уже не подлежит сомнению, что студенческие годы, проведенные Александром Радищевым в Лейпциге, имели существенное значение для его духовного развития. Занятия произведениями западноевропейских просветителей (Руссо, Мабли, Гельвеция и многих других) дали важный толчок мышлению Радищева и его однокашников. Однако до сих пор еще не вполне выяснено, какая роль в формировании и образовании молодых русских дворян принадлежит академическим учителям, чем обязана русская студенческая колония собственно «*universitas lipsiensis*». Безоговорочное осуждение Лейпцигскому университету в XVIII в., вынесенное ему А. Старцевым,¹ без сомнения нуждается в уточнениях и, может быть, даже в некотором смягчении. По крайней мере тема «Радищев и его учителя» все еще ждет основательного исследования. Несмотря на успешные труды последних лет, имевшие целью по возможности точнее восстановить жизнь русских студентов и определить ее значение для их дальнейшего общественного развития (вспомним исследования Г. П. Макогоненко, А. И. Старцева, П. Гоффмана и М. А. Арзумановой), Лейпцигский период и по сей день изучен недостаточно.² Лучше освещены преимущественно внешние события студенческого быта, и прежде всего — споры студентов с Герхардом Георгом фон Альтенбокумом в 1767 г. Но даже и в этом почти полном описании возмущения молодых россиян против материального и духовного угнетения, осуществлявшегося через их гофмейстера,³ все еще имеются «белые пятна». Например, до сих пор не

¹ А. И. Старцев. Университетские годы Радищева. М., 1956, стр. 7, 30 и др.

² См. также: P. Hoffmann. Stand und Aufgaben der Radiščev-Forschung. — «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas», Bd. V, Berlin, 1961, стр. 376.

³ А. И. Старцев. Университетские годы Радищева; А. И. Старцев — Б. А. Шлихтер. Волнения русских студентов в Лейпциге в 1767 году. — В кн.: Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 18, М., 1956,

выяснено, кто такой был таинственный «профессор Шмидт», подавший своими лекциями повод к известным июньским происшествиям 1767 г.

Припомним факты. В летний семестр 1767 г. русские студенты захотели воспользоваться дарованным им самой Екатериной II правом выбирать некоторые лекции согласно своим склонностям.⁴ Поэтому вместо скучных и (как некоторые указывали впоследствии) непонятных⁵ лекций профессора истории Иоганна-Готлоба Бёме⁶ они предпочли курс морали, который читал на французском языке некий профессор Шмидт. Документальные доказательства этого взяты из «Акта о некоторых беспорядках, произведенных учащимися здесь молодыми русскими дворянами». Бокум в своей жалобе писал ректору о доверенных ему студентах следующее: «Некоторые из них без моего ведома и желания недавно начали слушать курс морали на французском языке у господина профессора Шмидта, дальнейшее слушание которого я, однако, запретил».⁷ А. Несвицкий «признает, что они начали без ведома майора курс морали у профессора Шмидта».⁸ Это же сказал и П. Челищев, который, однако, добавил, что «они сделали своевольно».⁹

Из просмотра документов явствует: университетские власти проводили следствие только по поводу непосредственного столкновения Бокума со студентами. Требование Ф. Ушакова — привлечь инструкторов Витцмана и Штегера как свидетелей¹⁰ — не было принято во внимание, так что о подоплеке разразившегося конфликта не было и речи. Совершенно очевидно, у следственной комиссии были все причины замять скандал и квалифицировать его как единичный дисциплинарный проступок, допущенный русскими против своего гофмейстера. Таким образом, дело свелось к осторожному расследованию инцидента без выяснения предпосылок, на основании которых возник конфликт. Вследствие такого положения вещей неудивительно, что качество лекций Бёме или Шмидта не стало предметом обсуждения (хотя оно и явилось фактическим, по крайней мере внешним, поводом для спора). Ни Бёме, ни Шмидт не были заслушаны как свидетели, ибо при таком ведении дела для этого не было повода.

стр. 230—327; Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. Гослитиздат, М., 1956, стр. 31—53; P. Hoffmann. Radišev in Leipzig. — В кн.: Karl-Marx-Universität Leipzig. 1409—1959. — Beiträge zur Universitätsgeschichte, Bd. 1, Leipzig, 1959, стр. 195—201.

⁴ Ср. инструкцию Екатерины у Старцева—Шлихтера, § 2, стр. 315.

⁵ Там же, стр. 283 (показание А. Несвицкого).

⁶ Общественную позицию Бёме мы здесь не рассматриваем.

⁷ Старцев—Шлихтер. Волнения русских студентов в Лейпциге, стр. 251.

⁸ Там же, стр. 283.

⁹ Там же, стр. 286.

¹⁰ Там же, стр. 293.

Кто же этот «профессор Шмидт», лекции которого были так притягательны для некоторых русских? В 1921 г. Вильгельм Штида ничего не мог о нем сказать,¹¹ и тридцать лет спустя Петер Гоффман вынужден был признаться: «О „проф. Шмидте“ мы не знаем ничего, не знаем даже, какую должность он занимал в университете, не говоря уже о том, какие взгляды он мог излагать своим слушателям».¹² К такому же выводу пришла М. А. Арзуманова.¹³ Г. П. Макогоненко, напротив, со всей решительностью утверждает, что «профессор Шмидт» пропагандировал этические идеи французских материалистов.¹⁴ Он утверждает, что этот Шмидт идентичен швейцарскому публицисту Жоржу-Луи Шмид д'Авенштейну (или, германизируя это имя, — Георгу-Людвигу Шмид фон Ауэнштейну).¹⁵ На основании его сочинения «Опыт о различных предметах политики и морали» («Essais sur divers Sujets intéressants de Politique et de Morale»), появившегося в Аарау в 1760—1763 г., Макогоненко делает далеко идущие выводы,¹⁶ не приводя, однако, ни малейшего доказательства, что речь действительно идет об искомом «профессоре Шмидте». В действительности же совершенно не доказано, находился ли Шмид д'Авенштейн в интересующее нас время в Лейпциге, не говоря уже об университете.

Между тем в соответствующей литературе имеются указания на «настоящего» Шмидта. Так, Старцев ссылается на существование Лейпцигского профессора Христиана Фридриха Шмидта, не прослеживая, однако, далее этот факт.¹⁷ В дальнейшем мы постараемся точнее осветить личность этого таинственного «профессора Шмидта».¹⁸

¹¹ W. Stieda. Russische Studenten in Leipzig. — «Neues Archiv für Sächsische Geschichte», Bd. 42, Dresden, 1921, стр. 114, прим. 3.

¹² P. Hoffmann. Stand und Aufgaben der Radščev-Forschung, стр. 376.

¹³ М. А. Арзуманова. Университетские годы А. Н. Радищева — В кн.: «XVIII век», сб. 4, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 441—449.

¹⁴ Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 34.

¹⁵ См.: J. G. Meusel. Das gelehrte Teutschland im neunzehnten Jahrhundert, Bd. 8, Lemgo, 1825, стр. 166 (там и дальнейшая литература).

¹⁶ Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 51—52.

¹⁷ А. И. Старцев. Университетские годы Радищева, стр. 159; Старцев — Шлихтер. Волнения русских студентов в Лейпциге, стр. 325. Старцев почерпнул свое предположение из «Leipziger Adreß-Post- und Reise-Calendar, auf das Jahr Christi MDCCLXVIII» (Leipzig, 1768, стр. 36), где мы читаем: «Hr. M. Christian Friedrich Schmidt, der Philosophie außerordentlicher Professor, und der Philosophischen Facultät Beysitzer; auf dem alten Neumarkte, bey Hr. D. Crusius» («Г-н Христиан Фридрих Шмидт, экстраординарный профессор философии, заседатель на философском факультете; на старом Ноймаркте, у г-на д-ра Крузуса»). Гоффман и Арзуманова, видимо, прошли мимо этого указания.

¹⁸ В рамках исследовательских работ, ведущихся под моим руководством, над «временем Радищева» в Лейпциге, студенту Зигфриду Хиллерту (Siegfried Hillert) для его дипломной работы удалось разыскать в университетском

Христиан Фридрих Шмид (так сам он писал свою фамилию, написание «Шмидт» появлялось лишь иногда) родился 20 ноября 1741 г. в семье проповедника.¹⁹ Благодаря тесным родственным связям с теологом и философом Хр. А. Крузиусом (мать Шмида была дочерью Крузиуса), Шмид 20 ноября 1755 г.²⁰ был записан в Лейпцигский университет (за счет своего деда), однако начал изучение философии, филологии, теологии и прочих предметов только в 1758 г. В феврале 1762 г. он получил ученую степень,²¹ начал читать private лекции и печатать труды теологического содержания, которые, по его собственному свидетельству, встретили очень благосклонный прием (он говорит, что было более ста положительных отзывов).²² Лекции его также везде хвалили: «благодаря своим основательным и живым лекциям» он «приобрел много слушателей» и стал «уже тогда замечательным учителем». ²³ В 1764 и 1765 гг. он диспутировал «pro Iuso» и в 1766 г. стал гонорар-ассессором философского факультета в Лейпциге.²⁴ В том же году Шмид хлопочет о должности экстраординарного профессора Philologiae Sacrae, ввиду того что (помимо других оснований) он «уже в течение нескольких лет своими философскими, и в особенности филологическими, курсами стяжал многочисленные аплодисменты слушателей». ²⁵ И действительно, 15 мая 1767 г. Шмид «ввиду своей учености и показанного студентам прилежания» был назначен на вакансию экстраординарного профессора.²⁶ В 1768 г. Шмид добился звания бакалавра теологии,

архиве в Лейпциге и Халле (Заале) обширный материал касательно проф. Шмида. Часть этого материала, дополненную собственными изысканиями, мы используем в дальнейшем.

¹⁹ Важнейшие даты жизни Шмида, помимо списка трудов, можно найти в кн.: J. Chr. Erdmann. Lebensbeschreibungen und litterarische Nachrichten von den Wittenbergschen Theologen seit der Stiftung der Universität 1502, bis zur dritten hundertjährigen Säcularfeyer 1802. Wittenberg, 1804, стр. 142—144; J. G. Meusel. Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, Bd. 12, Leipzig, 1812, стр. 247—249; Vetteri Collectanea, vol. 1. Рукопись хранится в университетском архиве: Universitätsarchiv Leipzig (UAL), VI, В 6.

²⁰ G. Erler. Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. 1559—1809, Bd. III. Leipzig, 1909, стр. 359.

²¹ Vim atque potestatem poeseos XV. philosophiae candidatis qui magistri renunciatur... iterum declarat Carolus Andreas Bel d. XXV. Febr. A. C. MDCCCLXII. Lipsiae, стр. XVII—XVIII. Хранится в UAL, XLVI, В 121. Приношу благодарность доктору Р. Друккер и доктору Д. Клингнеру из UAL за их помощь в ознакомлении с этими источниками.

²² Chr. F. Schmid's ... Philologische und kritische Bibliothek, Bd. II. Leipzig, 1772, стр. 220.

²³ J. Chr. Erdmann. Lebensbeschreibungen, стр. 143.

²⁴ Akten der Philosophischen Fakultät zu Leipzig betr. Christian Friedrich Schmid. UAL, без шифра. «Revers» Шмида от 20 марта 1766 г.

²⁵ Там же, письмо от 4 апреля 1766 г.

²⁶ Там же, письмо от 15 мая 1767 г. и «Revers» Шмида от 29 августа 1767 г.

и это, в добавление к его печатным работам, появившимся одна за другой, явилось причиной его приглашения на теологический факультет Виттенбергского университета (1771).

Виттенбергский университет по отношению к рационализму занял консервативную позицию и, разумеется, безуспешно боролся против просвещения.²⁷ Когда открылась вакансия на место профессора, факультет недвусмысленно заявил, «что в наши дни, с их страстью к новшествам в теологии, трудно найти подходящую кандидатуру на должность преподавателя в Академию. Даже некоторые из тех, кто приносил присягу на наших священных книгах, не стесняются многообразно хулить их, отклоняться от них в неправедные учения и, злоупотребляя критикой, незаметно преподавать младшим социанское учение».²⁸ Потому-то выбор и пал на Шмида, «который проявил в своих философских и теологических лекциях большое трудолюбие, а в печатных трудах привел несколько хороших свидетельств против распространяющейся теперь порчи, дурно направленной критики и символической теологии».²⁹

Шмид, хотя сам и был необыкновенно начитан, в своих теологических трудах постоянно выступал против всех попыток историко-научного объяснения религиозных текстов и старался противопоставить свои книги «нынешним вольнодумным нападкам и выступлениям против канона священного писания».³⁰ Он защищал тезис о том, что «вера в божественное слово, будь то ветхий завет или пророки, не... является мечтанием».³¹ Особенно ожесточенную борьбу вел Шмид против Иоганна Саломона Землера (1725—1791), основателя историко-критической теологии, пытавшегося отделить теологию от религии и выступавшего против ортодоксальности за историческую интерпретацию.³² Разумеется, Шмид обрушивался на эти воззрения с момента своего назначения профессором теологии (некоторое время он был и деканом) и до самой смерти (он умер 19 мая 1778 г.) боролся как одержимый против всякого вольнодумства.

²⁷ См.: W. Friedensburg. Geschichte der Universität Wittenberg. Halle (Saale), 1917, стр. 554—556; A. Tholuck. Vermischte Schriften größtentheils apologetischen Inhalts. 2. Theil, Hamburg, 1839, стр. 1 и сл.

²⁸ Acta Besezung derer Professionem in Facultate Theologica, zu Wittenberg betr. — Universitätsarchiv Halle (Saale) (UAH), Rep. I, Sect. XVI, № 5, стр. 149 обр. сторона. Письмо ректору от 21 октября 1771 г. Приношу благодарность г-ну Хайндорфу из UAH за его помощь.

²⁹ Там же, стр. 150 обр. стор., 151.

³⁰ Chr. F. Schmid, Ob die Offenbarung Johanns ein ächtes göttliches Buch ist: Eine kritische Untersuchung. Leipzig, 1771.

³¹ Там же, стр. 10.

³² См.: E. Hirsch. Geschichte der neueren evangelischen Theologie im Zusammenhang mit den allgemeinen Bewegungen des europäischen Denkens, Bd. IV. Gütersloh, 1952, стр. 48 и сл.; Философская энциклопедия, т. 2, М., 1962, стр. 168.

Таковы основные данные о жизни этого человека. Но действительно ли он — тот самый «профессор Шмидт», о котором идет речь в следственном деле?

По нашему мнению, кроме частично цитированных документов, есть еще следующие доказательства: Христиан Фридрих Шмидт был единственный «Шмидт» (написание имени к этому времени не имело значения), который в 1767 г. преподавал на философском факультете в Лейпциге. Более того: во всем университете в то время не было другого профессора, носившего это имя. В эти годы Шмидт читал лекции по разным философским, теологическим, филологическим, историческим и другим предметам.³³ Хотя, по-видимому, список лекций 1767 г. и не сохранился, нам представляется весьма вероятным, что были прочитаны курсы морали. Во всяком случае, упоминаются лекции Шмида о морали в виттенбергское время.³⁴ К тому же, среди его трудов имеются и публикации, указывающие на занятия философскими и, соответственно, этико-моральными проблемами, например: «La Philosophie de l'Histoire, de feu l'abbé Bazin, critiquée» (1766; «Философия истории покойного аббата Базена, критика»); «De finibus rerum maxime animorum» (1768; «О конечных вещах, в особенности касающихся души»); «Die Vernunftlehre» (1769; «Учение о разуме»); «Die Metaphysik» (1770; «Метафизика») и др.³⁵

Перечисление этих трудов приводит нас к разрешению вопроса о том, почему студенты слушали курс на французском языке. Отношение Шмида к языкам шло по привычным канонам: большую часть своих трудов он писал по-латыни, другую часть, рассчитанную на более широкий круг, — по-немецки.³⁶ Кроме того, в 1764—1766 гг. он выпустил несколько трудов на французском языке, как например верноподданнически-благочестивые «Discours sur la vraie grandeur des princes» («Речь об истинном величии государей», 1764) и «Discours sur le devoir des sujets, de faire des prières pour la prospérité de leur souverain» («Речь о долге подданных возносить молитвы за благоденствие своего государя», 1764). Более поздние труды Шмида на французском языке нам не известны. Однако едва ли можно предположить, что после 1766 г. он писал только по-латыни и по-немецки, читая в то же время лекции на французском языке.

³³ J. Chr. Erdmann. Lebensbeschreibungen, стр. 143.

³⁴ Acta Die von denen Herren Professoribus in allen vier Facultaeten einzurichtende Lectiones Publicas... betr. UAH, Rep. I a, Sect. VIII, № 64, vol. III, стр. 43.

³⁵ Acta Besetzung derer Professionem in Facultate Theologica. UAH, Rep. I, Sect. XVI, № 5, стр. 152—153. Напечатанное приложение: Catalogus scriptorum Christiani Friderici Schmidii, Professoris Lipsiensis, с 18 названиями. К сожалению, названные книги были нам недоступны.

³⁶ См.: Chr. F. Schmidts Philologische und kritische Bibliothek, Bd. I. Leipzig, 1770, стр. 7.

Всего вероятнее, Шмид учитывал действительные затруднения в языке, которые испытывали некоторые русские студенты, находившиеся в Лейпциге только полгода и имевшие не самых лучших учителей, и поэтому специально для этих русских он читал не на немецком, а на французском языке.³⁷ В связи с этим нам следовало бы рассматривать упоминавшееся на допросе недостаточное знание немецкого языка³⁸ не предвзято, как предлог или уловку.

Что же, кроме уже указанного обстоятельства, побудило студентов перейти к Шмиду? Прежде всего, конечно, его риторические способности,³⁹ о которых мы уже упоминали и которые привлекали к нему широкую публику, а затем — самый предмет его лекций, занятие которым Екатерина II поставила на первое место в своей инструкции.⁴⁰ Сюда прибавилось и чувство протеста против сухих лекций Бёме, тесно связанного с ненавидимым студентами Бокумом. Во всяком случае, вряд ли студенты обратились к Шмиду из-за его политических убеждений. По всему, что мы о нем до сих пор знаем, Шмид был не только рьяный консерватор в области теологии, но и весьма последовательно выступал против Просвещения, в особенности против «постыдной роли какого-нибудь Вольтера».⁴¹ Более того: он написал, к сожалению, недоступную нам, антивольтеровскую книгу «*La Philosophie de l'Histoire, de feu l'abbé Bazin, critiquée*» (1766),⁴² которая была не принята критикой.

Из всего сказанного можно сделать следующее заключение: о каком-либо особенном, да еще и положительном влиянии Шмида на русских студентов не может быть и речи. Его лекции явились только внешним предлогом для открытого проявления разницы во взглядах между молодыми русскими и их гофмейстером. Требование разрешить посещение именно этих лекций Шмида было вызвано не столько политически-мировоззренческими мотивами, сколько стремлением к академической свободе и отсутствию принуждения. Студенты желали слушать Шмида именно потому, что Бокум им это запретил.⁴³ Как известно, Шмид в обучении студентов был случайной фигурой. Его выступления против Просвеще-

³⁷ Пока нет указаний на то, что и немецкие студенты посещали этот курс.

³⁸ Старцев—Шлихтер. Волнения русских студентов в Лейпциге, стр. 252 и др.

³⁹ См. еще: F. V. Reinhard, *Geständnisse seine Predigten und seine Bildung zum Prediger betreffend in Briefen an einen Freund*, 2. Aufl., Sulzbach, 1811, стр. 41.

⁴⁰ Старцев—Шлихтер. Волнения русских студентов в Лейпциге, § 2, стр. 315.

⁴¹ Chr. F. Schmid, *Ob die Offenbarung Johannis ein ächtes göttliches Buch ist*, Leipzig, 1771, стр. 10.

⁴² Chr. F. Schmid's *Philologische und kritische Bibliothek*, Bd. II. Leipzig, 1772, стр. 220.

⁴³ См. замечание Челищева по поводу своеволия: Старцев—Шлихтер. Волнения русских студентов в Лейпциге, стр. 251.

ния и покорность начальству вряд ли могли сделать его истинным учителем тех юношей, которые через год уже зачитывались Гельвецием.⁴⁴

Остается открытым вопрос: знали ли друг друга Шмид и Радищев? Принадлежал ли Радищев к тем студентам, которые слушали шмидовский курс морали? Бокум говорил о «нескольких» студентах, но не обо всех. Хотя с некоторой вероятностью можно предположить, что студенты дружно посещали и бойкотировали лекции, как доказывает пример с Бёме (во время следствия они также проявили единство), посещение лекций Шмида доказано документально только в отношении В. Трубецкого, А. Несвицкого и П. Челищева.⁴⁵ Так же вероятно и знакомство Шмида с Радищевым, даже если последний и не посещал лекций, ибо немногочисленные члены русской колонии, без сомнения, были известны всему городу.

⁴⁴ А. И. Старцев. Университетские годы Радищева, стр. 51.

⁴⁵ Старцев—Шлихтер. Волнения русских студентов в Лейпциге, стр. 252 и 286.